

*Научная статья**Научная специальность**5.1.1 «Теоретико-исторические правовые науки»*

УДК 340.130

DOI <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2023.3.13>**ФОРМА ОБЪЕКТИВНОГО (ПОЗИТИВНОГО) ПРАВА И ЮРИДИЧЕСКАЯ СИЛА ЕЕ СОДЕРЖАНИЯ**© **Спирин М. Ю., 2023**

Самарский национальный исследовательский университет им. С. П. Королёва, г. Самара, Россия

Производится анализ категории «форма права» в качестве альтернативы использования более многозначного и спорного понятия «источник права»; определяется различие форм позитивного права и форм объективного права. Ставится проблема возможного использования категории «форма позитивного права» как устойчивой юридической категории в общей и отраслевой теории права. Исследуется феномен юридической силы и определяется зависимость этого явления, принципиально важного для понимания природы самого права, не от внешних форм (оболочек) права, а от их содержания – конкретных юридических норм. Устанавливается зависимость юридической силы от уровня выраженности в диспозиции нормы права одного из трех модусов регулирования социального взаимодействия: запрета, обязывания или управомочия. Делаются необходимые выводы о характере юридической силы, производной от регулятивного значения юридических норм. Особое внимание обращается на проблему преобразования форм объективного права в формы позитивного (положительного) права, ключевым элементом которой выступает обретение формой позитивного права публично-властного формализованного признака. На основе произведенного анализа определяются основные проблемы принадлежности юридической силы современным формам позитивного права (фактически – их внутреннему нормативному содержанию), а также – актам применения и официального толкования права. Затрагивается проблематика происхождения и преобразования юридической силы как концептуального явления, обращается внимание на этическую проблему соотношения юридической и моральной (нравственной) силы действия норм. Делаются выводы о практическом значении использования категорий «форма права», «форма позитивного права», «юридическая сила нормы права» в современной правовой науке и на практике.

Ключевые слова: источник права, форма права, форма позитивного права, форма объективного права, юридическая сила, содержание формы позитивного права, юридические нормы, акт применения права, акт официального толкования права.

THE FORM OF OBJECTIVE (POSITIVE) LAW AND THE LEGAL FORCE OF ITS CONTENT© **Spirin M. Yu., 2023**

Named after S. P. Korolyov Samara national research university, Samara, Russian Federation

An analysis of the category “form of law” as an alternative to using the more ambiguous and controversial concept of “source of law” is made; the difference between the forms of positive law and the forms of objective law is determined. The problem of the possible use of the category “form of positive law” as a stable legal category in the general and branch theory of law is posed. The phenomenon of legal force is investigated and the dependence of this phenomenon, which is fundamentally important for understanding the nature of the law itself, is determined not from the external forms (shells) of law, but from their content – specific legal norms. The dependence of legal force on the level of expression in the disposition of the legal norm of one of the three modes of regulation of social interaction is established: prohibition, obligation or authorization. The necessary conclusions about the nature of the legal force derived from the regulatory significance of legal norms are drawn. Particular attention to the problem of transforming the forms of objective law into forms of positive law is drawn, the key element of which is the acquisition of a formalized sign of public authority by the form of positive law. On the basis of the performed analysis, the main problems of belonging of legal force to modern forms of positive law (in fact, to their internal normative content), as well as to acts of law enforcement and official interpretation of law, are determined. The issue of the origin and transformation of legal force as a conceptual phenomenon is touched upon, attention is drawn to the ethical problem of the correlation between the legal and moral force of the norms. Conclusions about the practical significance of using the categories “form of law”, “form of positive law”, “legal force of the legal norm” in modern legal science and in practice are drawn.

Keywords: source of law, form of law, form of positive law, form of objective law, legal force, content of the form of positive law, legal norms, act of application of law, act of official interpretation of law.

Введение

Исследование проблематики формы объективного (позитивного) права и соотношения с ней феномена юридической силы необходимо

начать с утверждения (тезиса) о принципиальном значении самого термина «форма права».

В этом вопросе следует иметь в виду как принципиальное отличие каждой отдельной

формы права от единой общеправовой оболочки социальных взаимодействий (т. е. правовой формы общественных отношений) [4, с. 67–76], так и отграничение конкретной формы права от многозначной (и в этом смысле покрытой своеобразным «туманом познания») категории «источник права» [16, с. 19, 32, 45–46]. Очевидно, что при реализации конкретных юридических норм категория источника права будет иметь практическое значение исключительно в смысле источника познания права, т. е. как отображение определенного текста, содержащего в себе общеобязательную формализованную (следовательно, правовую) информацию.

В данном значении закон, указ, постановление, положение etc. суть именно источники познания права, источники изучения возможностей его регулятивного воздействия на социальные отношения, отраженные в конструкциях тех юридических норм, которые составляют их содержание. В то же время источниками самого права их назвать затруднительно в силу тех логических трудностей, которые возникают, если такое наименование начинает активно употребляться.

Закон, указ, постановление, положение etc. суть формы, т. е. внешние оболочки регулятивного правового воздействия, которые созданы и функционируют по определенным правилам и в определенном порядке; формализация этих оболочек необходима для проявления важных качеств их содержания – конкретных юридических норм. Важнейшим из этих качеств выступает юридическая сила как квинтэссенция самого права, его своеобразный *punctum saliens*.

Материалы и методы исследования

Исследование проблематики выражения юридической силы в рамках формы объективного (позитивного) права производится на основе действующего нормативного правового материала (внешние формы российского права: законодательство и подзаконные нормативные правовые акты) с использованием творческого сочетания основных парадигм научного мышления: диалектической, метафизической и синергетической.

Решение конкретных вопросов (происхождение юридической силы, соотношение форм объективного права и форм позитивного права, определение регулятивного значения содержания формы позитивного права и др.) производится с помощью системно-структурного и формально-юридического методов, а также общенаучных методик анализа и синтеза регулятивного материала.

Основная часть

С позиции поиска решения основной задачи настоящей статьи принципиальным является вопрос о носителе юридической силы, в качестве которого в подавляющем большинстве научных источников имеется в виду внешняя оболочка регулятивного воздействия права, т. е. форма объективного права. Известная мысль о законе, обладающем высшей юридической силой, понимается почти исключительно буквально, вследствие чего многие поколения юристов искренне убеждены в том, что сам факт обретения любым социальным правилом (группой правил) внешней оболочки закона автоматически придает этим нормам не просто обязательность в вопросе исполнения (силу), но – высшую юридическую силу.

Нетрудно заметить, что основы подобных рассуждений располагаются в области господствующего в среде большинства юристов типа понимания права, в качестве которого используется не просто юридический позитивизм, но крайнее (и при этом достаточно популярное) его направление – юридический легизм. Очевидно, что определенное (тем более – господствующее в современной юриспруденции) понимание права принципиально влияет на определение носителя и самой природы юридической силы. Здесь необходимо согласиться с мнением М. И. Байтина, который прямо указывал на то, что «вопрос о понятии права – ключевой... в теории права: в зависимости от его решения понимаются и трактуются все другие явления правовой жизни общества» [2, с. 11].

Отождествление права и закона, определение любой нормы, «освященной» формальной процедурой принятия и введения в действие органом публичной власти, в качестве юридической общеобязательной нормы и иные подобные представления органично соседствуют с юридическим «упрощенчеством» и восприятием именно внешней, формальной оболочки объективного права в качестве того принципиального основания правового регулирования, которое, определяя основные модусы управления человеческим поведением (запрет, обязывание и управомочие), само по себе является «сильным».

Подобная ситуация напоминает житейский пример с упаковкой макаронных изделий, которая совершенно необходима для длительного хранения его содержимого, а также для размещения на ней необходимой информации (маркировки) о порядке приготовления и особенностях употребления в пищу этих макаронных

изделий, но в то же время, когда макароны уже высыпаны в кастрюлю с кипящей водой (в предвкушении их приготовления с целью последующего употребления), эта упаковка уже не имеет никакого практического значения и, как правило, отправляется в мусорную корзину.

Понятно, что оболочка нормативного правового акта – это не вполне «упаковка макаронных изделий». В том числе потому, что нормы, содержащиеся в ней, не носят одноразовый характер. В то же время также очевидно, что внешняя форма, сохраняющая и передающая внутреннее содержание, явно не может его заменить и выполняет свою, присущую только ей, необходимую и достаточную функцию.

В этом значении Е. А. Ларина указывает: «Юридическую силу необходимо рассматривать в контексте источников права, поскольку именно они выступают той формой выражения, без которой юридическая сила не может существовать» [15, с. 8]. Исследуя особенности юридической силы как общеправового феномена, фактически определяющего свойства любой внешней формы объективного права, Е. А. Ларина обозначает необходимость особой методики такого исследования [14; 22, с. 6–19].

Основная функция формы (внешней формы) объективного права – единообразное закрепление и адекватная информационная передача для сведения всех реальных и потенциальных субъектов правовых отношений общеобязательных предписаний социального поведения, структурированных в рамках модусов запрета, обязывания и управомочия. Сами же эти предписания (юридические нормы), составляющие содержание формы объективного права, и являются теми регулятивными средствами, которые наполняют собой объективное право для решения его главной задачи: упорядочения социальных отношений.

Следовательно, юридической силой обладает каждая отдельная юридическая норма, а также – группы этих норм, реализующие основные модусы социального регулирования, в силу чего эта норма (группы норм) становится общеобязательным формальным правилом жизни огромного количества людей. Внешняя оболочка (форма объективного права) в этом случае выполняет роль организующего и структурирующего начала для адресного восприятия и последующего действия юридических норм, содержащихся в ней. Поэтому юридической силой обладают не сами нормативные правовые акты (как внешняя форма объективного права), а юридические нормы, расположенные внутри

этого нормативного правового акта (как содержание этой формы).

В этом смысле примечательными выступают рассуждения Д. И. Здуновой, которая рассматривает юридическую силу в узком значении применительно к нормативным правовым актам: «Под юридической силой нормативно-правового акта следует понимать обязательность любого нормативного акта, либо имеющего приоритет перед другими актами, либо самому подчиняющегося иным нормативно-правовым актам» [9, с. 155]. Д. И. Здунова уточняет, что «юридической силой можно назвать и свойство, выражающее соотношение актов в правовой системе и определяющее их место в ней, а также качество, характеризующее влияние самих актов на установленные предписания или их влияние на другие акты» [9, с. 156; 8, с. 8].

Подобные выводы также подтверждаются В. Г. Голубцовым: «Юридическая сила нормативно-правового акта – это сравнительная категория для установления его места в иерархической системе актов» [5, с. 432].

Следовательно, авторы, исследующие природу и значение юридической силы внешних форм права, практически едины во мнении о том, что свойство обязательности при реализации юридической нормы, закрепленной в содержании внешней формы права, которое является «краеугольным камнем» понятия юридической силы, производно не столько от конструкции самой юридической нормы и ее свойств, сколько от того, каким образом выстроены иерархия и системность внешних форм права, содержащих эти нормы.

В то же время такой «механистичный» вывод, по нашему мнению, может помешать полноценному восприятию как самой юридической силы в качестве общеправового явления, так и содержания внешних форм права, которое такой силой в реальности обладает.

Так, постановления Конституционного Суда РФ, признающие в установленном порядке неконституционность положений федерального законодательства, нормативными правовыми актами не являются, но в силу наличия соответствующих полномочий по осуществлению «негативного правотворчества» обладают неоспоримой, притом – высшей юридической силой (ст. 6, 71, 79, 87 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде РФ»). Сам Конституционный Суд РФ в этом отношении указывал: «Решения Конституционного Суда РФ, в результате которых неконституционные нормативные акты утрачивают юридическую

силу, имеют... такое же, как соответствующие нормативные акты, общее значение...»¹

Исходя из этого, следует определить, что *юридическая сила* – это особый абстрактный признак формы права (формального источника права), *производный от значения содержащихся в ней юридических норм* и от правотворческой роли соответствующего органа публичной власти, выраженный в соответствующей степени обязательности и месте данной формы права в иерархической системе позитивного права [18, с. 60].

Далее в контексте настоящей статьи следует обратить внимание на различие между формами объективного позитивного права.

Так же как субъективные права различных поколений производны от первичных естественных прав, формы позитивного (положительного) права определяются, как правило, их публично-властной поддержкой и документальным (формализованным) закреплением.

При ссылках на юридические нормы юристы цитируют различные положения тех форм права, которые обладают известной социальной устойчивостью в силу их публично-властной поддержки и привычности в реализации. Именно эти формы права обычно называют «источниками права» (формальными источниками права) в общей теории права и отраслях национального права [7; 19; 13; 20; 6; 11; 3; 17; 1]. Вопрос об изучении правовой системы и каждой отдельной отрасли права в этой системе обычно начинается с перечисления важнейших видов форм позитивного права, к числу которых традиционно относятся нормативные правовые акты (НПА), а также нормативные договоры (которые некоторыми авторами воспринимаются в качестве особой разновидности НПА) [10, с. 137, 147]. Также часто, уже в качестве юридической «экзотики», к числу таких форм относят юридические (в большей степени – судебные) прецеденты, а также правовые обычаи, в установленном порядке санкционированные соответствующими органами публичной власти.

Из этого, например, следует, что те правовые обычаи, которые до поры до времени (или вообще) не санкционируются публично-властным началом и, вследствие этого, не обладают формальной определенностью в буквальном (письменном) смысле, по мнению абсолютного

большинства как представителей юридической науки, так и практикующих юристов, к формам позитивного права не относятся и, следовательно, их содержание (а значит, и они сами) юридической силой не обладает.

С одной стороны, это справедливо. Действительно, такие правовые обычаи (равно как и юридическая доктрина, принципы права, а также священные тексты в религиозных правовых системах) не суть формы позитивного права. С другой же стороны, это формы объективного права, которые выступают обобщающей категорией по отношению к внешним оболочкам действующего позитивного права, имеющим ярко выраженный публично-властный признак. Такие формы объективного права включают в себя многие обязательные для исполнения правила социальной жизни, которые располагаются на стыке юридического, морального, религиозного, обрядового и других начал регулятивности. При этом важность подобных норм самим обществом не отрицается; часто именно они на определенном этапе переходят «границу публичной власти» и становятся важным содержанием новых или видоизмененных форм позитивного права (именно в этом смысле говорится о «санкционировании» правовых обычаев либо о включении принципов права в тексты нормативных правовых актов) [22, с. 61–65, 73].

Так, примечательно закрепление в ч. 1 ст. 5 ГК РФ положения, согласно которому обычай как «сложившееся и широко применяемое... не предусмотренное законодательством правило поведения» фактически выступает изначально формой объективного права, а далее (будучи закрепленным в тексте нормативного правового акта – ст. 3 ГК РФ) становится формой позитивного права².

В свое время Н. М. Коркунов приводил отличное доказательство вышесказанному: «Действовать может и норма, не выразившаяся еще ни в законе, ни в обычае, ни в судебной практике, и такое действие нормы есть необходимое предположение образования обычая и судебной практики. Но действие такой нормы менее определено, так как оно лишено внешнего признака своей обязательности, то нельзя определить наперед, общим образом, объем ее действия, нельзя сказать наперед, к каким частным случаям она приложима, к каким нет» [12, с. 346–347].

¹ О Конституционном Суде Российской Федерации : федер. конституц. закон от 21.07.1994 (в ред. от 01.07.2021) // Собр. законодательства РФ. 1994. № 13. Ст. 1447; По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации : постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.1998 № 19-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 1998. № 5.

² Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 (в ред. от 14.04.2023 г. с изм. от 16.05.2023 г.) // Собр. законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301 с последующими изменениями и дополнениями; О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса РФ : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 // Рос. газ. 2015. 30 июня.

Юридическая доктрина в таком значении также содержит в себе принципиально важные для профессионального юридического мировоззрения элементы, которые вполне можно называть нормами объективного права: правовые аксиомы, дефиниции, логические конструкции, общепринятые классификации и т. п.

Также следует обратить внимание на феномен обладания (либо псевдообладания) юридической силой тех внешних оболочек права, которые, в отличие от форм позитивного права, не содержат в себе юридических норм, но при этом обладают обязательным значением для индивидуально определенных субъектов, на поведение которых направлены их положения (в том числе санкции): разнообразных актов применения права, актов официального толкования права, договорных актов, различных правовых документов [22, с. 90–123].

Подобная ситуация характерна и для различных видов документов стратегического планирования (ст. 11 Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации»): стратегии социально-экономического развития РФ, стратегии национальной безопасности РФ, стратегии научно-технологического развития РФ, концепции внешней политики РФ, государственных программ РФ и субъектов РФ, муниципальных программ и др., причем положение п. 1 ч. 2 ст. 47 вышеуказанного закона прямо устанавливает необходимость разработки «нормативных правовых актов, определяющих порядок разработки и корректировки документов стратегического планирования». Следовательно, и в данном случае нормы права, содержащиеся в соответствующих нормативных правовых актах как формах позитивного права, будут определять обязательность положений соответствующих стратегий, концепций, программ и иных документов стратегического планирования¹.

В этом смысле необходимо отметить, что данные категории правовых актов и документов приобретают юридическую силу исключительно по причине соответствующей ссылки на нормы права, которая обязательно присутствует в тексте такого акта и документа. Тем самым «отблеск» юридической силы нормы права, которая содержится в рамках соответствующей формы позитивного права (закон, указ, постановление, положение etc.), «падает» на любой акт право-

применения либо официального толкования права, а также – документ стратегического планирования, в котором содержится мотивированная и обоснованная ссылка на действующую норму права.

Так, решение суда по делу должно быть вынесено в точном соответствии с нормами материального и процессуального права и содержит в своей мотивировочной части необходимые отсылки на эти нормы. Иначе представить себе возникновение юридической силы у такого решения (равно как и у иных указанных выше категорий правовых актов и документов) просто невозможно, поскольку юридическая сила не может возникнуть исключительно по воле суда либо на основании реализуемых судом специальных полномочий. Правоприменительные акты, как и акты официальной интерпретации права, изначально нуждаются в существовании юридических норм, обладающих юридической силой определенного порядка и уровня, для надлежащей ссылки на них. Отсюда эти акты и сами в соответствующей части становятся обязательными для исполнения.

Результаты исследования

На основании вышеизложенного следует утверждать, что форма объективного права есть более широкая категория в сравнении с формой позитивного права. При этом оба вида таких внешних форм (оболочек права) содержат в себе конкретные юридические нормы (содержание права), которые в собственном смысле и представляют собой действующее в конкретном обществе право.

Возвращаясь к положениям вводной части настоящей статьи, следует вспомнить известные мысли о формах позитивного права Г. Ф. Шершеневича, которые содержались в его классической «Общей теории права». Как известно, в гл. VII «Формы права» (§ 38 «Общий обзор форм права») Шершеневич совершенно свободно использовал категорию «формы права» для обозначения законов и иных нормативных правовых актов, правовых обычаев, судебных прецедентов в качестве форм позитивного права, аргументированно определяя правильность использования соответствующего наименования [24, с. 368–380]. Так, ученый, в частности, указывал: «Различные формы, в которых выражается право, носят издавна название источников права. Термин этот представляется, однако, малоприменимым ввиду своей многозначности» [Там же, с. 368]. «Разнообразие значений, придаваемых выражению “источники права” в... на-

¹ О стратегическом планировании в Российской Федерации : федер. закон от 28.06.2014 (в ред. от 17.02.2023) // Собр. законодательства РФ. 2014. № 26. Ст. 3378 (ч. 1); Об утверждении Концепции внешней политики РФ : указ Президента РФ от 31.03.2023 // Собр. законодательства РФ. 2023. № 14. Ст. 2406.

уке права, вызывает необходимость обойти его и заменить другим выражением – формы права. Под этим именем следует понимать различные виды права, отличающиеся по способу выработки содержания норм» [24, с. 369]. Далее справедливо определялось то обстоятельство, что «формой права, преобладающей в настоящее время у всех цивилизованных народов, является закон, который совершенно отодвинул на задний план все иные формы» [Там же, с. 381]; «к формам права относят и судебную практику, но далеко не с тем единодушием, как закон и обычай» [Там же, с. 465].

Следовательно, для русской дореволюционной догматики права использование категории «формы положительного (позитивного) права» не было чем-то уникальным. Более того, в этом отношении стоит вспомнить известный пассаж Л. И. Петражицкого в его «Теории права и государства в связи с теорией нравственности», который вовсе отказывал позитивному праву в возможности обладать источниками [21, с. 190–191], а сами законы, указы, постановления, положения etc. именовались отдельными «видами позитивного права» (см. § 39–43 гл. V) [21, с. 189–280].

Тем самым, несмотря на последующую значительную «увлеченность» отечественными юристами советского и постсоветского периодов категорией «источники права», которая используется как в общей, так и в отраслевой юридической теории «по умолчанию», употребление альтернативной конструкции «формы права» вполне аргументированно и имеет право на существование. Кроме того, общеизвестно, что все новое (в том числе и в науке) – это, как правило, основательно позабытое старое.

Также принципиально важна постановка вопроса о таком основании проявления юридической силы и степени общеобязательности правовых предписаний, которые ей обладают, как *связь с характером содержания самих юридических норм*. Таким образом, «глубина» запретов, обязываний и управомочий как основных модусов правового регулирования сама по себе может обосновывать степень их обязательности для участников соответствующих социальных взаимодействий. Об этом значении характера содержания норм права писал в свое время Е. Н. Трубецкой: «...под источниками права следует разуметь... вовсе не те причины, которые так или иначе влияют на *содержание* правовых норм, а только те... которые сообщают тем или другим правилам значение правовых норм, т. е. обуславливают

собой их *обязательность*» (выделено нами. – М. С.) [23, с. 93].

Следовательно, универсальное обозначение формы позитивного права, которая «наполняется» юридической силой под влиянием изначально обладающих ею юридических норм ее содержания, может сделать оценку внешних оболочек права более логичной и в будущем упростить задачу юридической терминологии как на уровне общей теории права, так и в отраслях национальной правовой системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агаев Г. А., Аббасов Ф. Н. Источники уголовно-процессуального права и место Конституции РФ в их системе // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 2 (54). С. 99–103.
2. Байтин М. И. О нормативно-классовом понимании права // Вопросы теории государства и права. Актуальные проблемы теории социалистического государства и права: VI межвуз. науч. сб. Саратов, 1983. С. 10–35.
3. Бибик О. Н. Источники уголовного права РФ. СПб. : Юридический центр Пресс, 2006. 243 с.
4. Ветютнев Ю. Ю. Аксиология правовой формы. М. : Юрлитинформ, 2013. 197 с.
5. Голубцов В. Г. Юридическая сила нормативного правового акта, действие нормативного правового акта, применение нормативных правовых актов арбитражными судами // Пермский юридический альманах. 2021. С. 426–443.
6. Долинская В. В., Иншакова А. О., Слесарев В. Л. Гражданское право: источники права. М. : Проспект, 2019. 144 с.
7. Дробышевский С. А., Данцева Т. Н. Формальные источники права. М. : Норма, 2011. 160 с.
8. Здунова Д. И. Юридическая сила правовых актов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005. 24 с.
9. Здунова Д. И. К вопросу о сущности юридической силы нормативно-правовых актов // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 4. С. 155–157.
10. Источники и формы права в современной юридической науке / под ред. Р. Л. Хачатурова. М. : Юрлитинформ, 2021. 320 с.
11. Кобзева С. И. Источники права социального обеспечения России. М. : Проспект, 2014. 264 с.
12. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. Изд. 9-е. СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. 430 с.
13. Кутафин О. Е. Избранные труды : в 7 т. Т. 2: Источники конституционного права РФ. М. : Проспект, 2011. 352 с.
14. Ларина Е. А. Феномен «юридической силы»: методологические подходы // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5, № 17. С. 22–38.
15. Ларина Е. А. Юридическая сила как общеправовой феномен : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2021. 30 с.
16. Марченко М. Н. Источники права. 2-е изд. М. : Норма, 2014. 672 с.
17. Ножкина А. В. Система источников уголовно-процессуального права России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 190 с.
18. Общая теория права и государства : метод. рекомендации / сост. М. Ю. Спириной. Самара : Изд-во Самарского университета, 2021. 84 с.
19. Овсепян Ж. И. Источники (формы) российского права в период международной глобализации (общетеоретическое и конституционно-правовое исследование). М. : Проспект, 2016. 464 с.
20. Ордина О. Н. Источники административного права России и проблемы их систематизации. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 320 с.
21. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. В 2 ч. Ч. 2. М. : Юрайт, 2016. 421 с.

22. Суменков С. Ю., Ларина Е. А. Юридическая сила как общеправовой феномен (доктрина и практика). М.: Юрлитинформ, 2023. 144 с.

23. Трубецкой Е. Н. Лекции по энциклопедии права. М.: Тов-во тип. А. И. Мамонтова, 1917. 226 с.

24. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права: философия права. Часть теоретическая. Т. 1: вып. 2. М.: Изд-е бр. Башмаковых, 1911. 839 с.

REFERENCES

1. Agaev G.A., Abbasov Ph.N. *Istochniki ugolovno-protsessualnogo prava i mesto Konstitutsii v ikh sisteme* [Sources of criminal procedure law and the place of the Constitution of the Russian Federation in their system]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of internal affairs of Russia], 2012, no. 2 (54), pp. 99-103. (in Russian)

2. Baitin M.I. *O normativno-klassovom ponimanii prava* [On the normative-class understanding of law]. *Voprosy teorii gosudarstva i prava. Aktualnye problemy teorii sotsialisticheskogo gosudarstva i prava* [Questions of the theory of state and law. Actual problems of the theory of the socialist state and law: VI interuniversity scientific collection]. Saratov, 1983, pp. 10-35 (in Russian)

3. Bibik O.N. *Istochniki ugolovnogo prava Rossiiskoi Federatsii* [Sources of criminal law of the Russian Federation]. St. Petersburg, Yuridicheskii tsentr Publ. [Juridical centre Press], 2006, 243 p. (in Russian)

4. Vetyutnev Yu.Yu. *Axiologiya pravovoi formy* [Axiology of legal form]. Moscow, YurLitinform Publ., 2013, 197 p. (in Russian)

5. Golubtsov V.G. *Yuridicheskaya sila normativnogo pravovogo akta, deistvie normativnogo pravovogo akta, primeneniye normativnykh pravovykh aktov arbitrazhnymi sudami* [Legal force of normative legal act, action of normative legal act, application of normative legal acts by arbitration courts]. *Permskiy yuridicheskii almanakh* [Perm juridical almanac], 2021, pp. 426-443. (in Russian)

6. Dolinskaya V.V., Inshakova A.O., Slesarev V.L. *Grazhdanskoe pravo: istochniki prava* [Civil law: legal sources]. Moscow, Prospect Publ., 2019, 144 p. (in Russian)

7. Drobyshchevskiy S.A., Dantseva T.N. *Formalnyiye istochniki prava* [Formal sources of law]. Moscow, Norma Publ., 2011, 160 p. (in Russian)

8. Zdunova D.I. *Yuridicheskaya sila pravovykh aktov* [Legal force of legal acts]. Cand. sci. diss. abstr. Kazan, 2005, 24 p. (in Russian)

9. Zdunova D.I. *K voprosu o suschnosti yuridicheskoi sily normativno-pravovykh aktov* [The nature of legal force of regulatory legal acts]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii* [Bulletin of economics, law and sociology], 2016, no. 4, pp. 155-157. (in Russian)

10. *Istochniki i formy prava v sovremennoi yuridicheskoi nauke* [Sources and forms of law in modern legal science]. Ed. R.L. Khachaturov. Moscow, YurLitinform Publ., 2021, 320 p. (in Russian)

11. Kobzeva S.I. *Istochniki prava sotsialnogo obespecheniya Rossii* [Sources of social service law of Russia]. Moscow, Prospect Publ., 2014. 264 p. (in Russian)

12. Korkunov N.M. *Lektsii po obschei teorii prava* [Lectures on general theory of law]. 9th ed. St. Petersburg, Yuridicheskii tsentr Publ., 2003, 430 p. (in Russian)

13. Kutafin O.E. *Isbrannye trudy: v 7 tomakh* [Selected works: in 7 volumes]. Vol. 2: *Istochniki konstitutsionnogo prava Rossiiskoi Federatsii* [Sources of constitutional law of the Russian Federation]. Moscow, Prospect Publ., 2011, 352 p. (in Russian)

14. Larina E.A. Phenomen "yuridicheskoi sily": metodologicheskie podkhody [The phenomenon of "legal force": methodological

approaches]. *Aktualnye problemy gosudarstva i prava* [Current issues of the state and law], 2021, vol. 5, no. 17, pp. 22-38. (in Russian)

15. Larina E.A. *Yuridicheskaya sila kak obshepravovoi fenomen* [Legal force as a general legal phenomenon]. Cand. sci. diss. abstr. Saratov, 2021, 30 p. (in Russian)

16. Marchenko M.N. *Istochniki prava* [Sources of law]. 2nd ed. Moscow, Norma, 2014, 672 p. (in Russian)

17. Nozhkina A.V. *Sistema istochnikov ugolovno-protsessualnogo prava Rossii* [The system of sources of criminal procedure law in Russia]. Cand. sci. diss. Moscow, 2003, 190 p. (in Russian)

18. *Obschaya teoriya prava i gosudarstva: metodicheskie rekomendatsii* [General theory of law and state: guidelines]. ed. M.Yu. Spirin. Samara, Samara University Publ., 2021, 84 p. (in Russian)

19. Ovsepyan Zh.I. *Istochniki (formy) rossiiskogo prava v period mezhduнародnoi globalizatsii (obscheteoreticheskoe i konstitutsionno-pravovoe issledovanie)* [Sources (forms) of Russian law in the period of international globalization (theoretical and constitutional legal research)]. Moscow, Prospect Publ., 2016, 464 p. (in Russian)

20. Ordina O.N. *Istochniki administrativnogo prava Rossii i problemy ikh sistematizatsii* [Sources of administrative law of Russia and the problems of their systematization]. Moscow, UNITY-DANA Publ., 2015, 320 p. (in Russian)

21. Petrazhitskiy L.I. *Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriei нравstvennosti* [The theory of law and state in connection with the theory of morality]. In 2 parts. Part 2. Moscow, Yurait Publ., 2016, 421 p. (in Russian)

22. Sumenkov S.Yu., Larina E.A. *Yuridicheskaya sila kak obshepravovoi fenomen (doktrina i praktika)* [Legal force as a general legal phenomenon (doctrine and practice)]. Moscow, YurLitinform Publ., 2023. 144 p. (in Russian)

23. Trubetskoy E.N. *Lektsii po entsiklopedii prava* [Lectures on encyclopedia of law]. Moscow, Tov-vo tipografii A.I. Mamontova [Association of printing house of A.I. Mamontov], 1917, 226 p. (in Russian)

24. Shershenевич G.F. *Obschaya teoriya prava: filosofiya prava. Chast teoreticheskaya* [General theory of law: philosophy of law. Part theoretical]. Vol. 1: iss. 2. Moscow, br. Bashmakovykh Publ., 1911, 839 p. (in Russian)

Статья поступила в редакцию 18.05.2023; одобрена после рецензирования 06.06.2023; принята к публикации 13.09.2023

Received on 18.05.2023; approved on 06.06.2023; accepted for publication on 13.09.2023

Спирин Михаил Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права и международного права, Юридический институт, Самарский национальный исследовательский университет им. С. П. Королёва (Россия, 443086, г. Самара, ул. Московское шоссе, 34), ORCID: 0000-0002-4147-6297, ResearcherID: AAV-6126-2021, РИНЦ AuthorID: 441878, e-mail: smy@samaradom.ru

Spirin Mikhail Yurievich – Candidate of Juridical Science, Associate Professor, Associate Professor of Department Theory and History of State and Law and International Law, Law Institute, Samara National Research University of the named after S. P. Korolyov (34, Moskovskoe shaussee st., Samara, 443086, Russian Federation), ORCID: 0000-0002-4147-6297, ResearcherID: AAV-6126-2021, RSCI AuthorID: 441878, e-mail: smy@samaradom.ru